

А. Н. Варехина

Нижний Тагил

ДЕТСКИЕ ДОМА НА УРАЛЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: детские дома; беспризорность; безнадзорность; Великая Отечественная война; социальная политика государства; приемники-распределители.

АННОТАЦИЯ. Рассматриваются вопросы, связанные с ликвидацией массовой детской беспризорности и безнадзорности в СССР в 1941—1945 гг.: меры, предпринятые правительством для устройства судеб детей, потерявших родителей, положение детских домов Урала, а также проблемы этих учреждений. Многие использованные исторические источники впервые вводятся в научный оборот.

A. N. Varekhina

Nizhny Tagil

ORPHANAGES IN THE URAL REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

KEY WORDS: orphanage; children's homelessness; child neglect; the Great Patriotic War; social policy of the State; homeless placement centers.

ABSTRACT. The article is devoted to the problem of liquidation of children's homelessness and neglect in the Soviet Russia of 1941—1945. The author considers measures taken by the Government concerning placement of children who lost their parents, the state of orphanages in the Ural region and reveals the problems of the latter. The research is based on the materials many of which are used in the academic discourse for the first time.

В федеральной программе «Дети России» на 2007—2010 гг. отмечается: «В настоящее время особую актуальность и остроту приобрела потребность в формировании эффективной системы социальной защиты различных слоев населения, в первую очередь детей. В России проживает 29 миллионов детей. К числу наиболее уязвимых категорий детей относятся дети, оставшиеся без попечения родителей — 731 тысяча, и дети, находящиеся в социально опасном положении — 676 тысяч» [13. С. 2]. За скупыми статистическими данными скрыта проблема детской безнадзорности, беспризорности и социального сиротства, предупреждение и борьба с которыми являются основными функциями детских домов и приютов. Деятельность указанных учреждений, представляющая значительный интерес для исторической науки, по-прежнему остается малоизученной.

Первые работы по указанной теме появились уже в военное время, но они носили публицистический характер. В послевоенные годы существенный вклад в исследование проблемы борьбы с детской безнадзорностью и беспризорностью внесли В. И. Куфаев, А. М. Синицын, В. С. Тадевосян, проанализировавшие роль органов Наркомпроса, местных Советов депутатов трудящихся и общественности страны в устройстве детей, оставшихся без родителей [См.: 28, 30, 31, 34]. При этом система детских домов как институт, неразрывно связанный с детской беспризорностью и предназначенный для преодоления ее последствий, осталась слабоизученной. Документы о

борьбе с беспризорностью в годы войны содержатся в третьем разделе сборника «Дети ГУЛАГа». Основу подборки составили материалы о репрессивных действиях властей и трудовых воспитательных колониях, которые находились в ведении НКВД СССР [2. С. 376—449]. Беспризорности на Урале в 1930-е гг. посвящен специальный сборник документов [1]. Его материалы позволяют выяснить ситуацию с беспризорничеством накануне войны. Следует учитывать, что сложившаяся во второй половине 1930-х гг. система детских учреждений без изменений работала в военное время. Таким образом, до настоящего времени не получила глубокой и комплексной разработки проблематика детских домов на Урале в годы Великой Отечественной войны и их роли в борьбе с детской безнадзорностью и беспризорностью.

Великая Отечественная война, а также вытекающие из условий военного времени особенности политического, социально-экономического развития страны привели к обострению проблемы беспризорности и безнадзорности. С первых же дней войны советские органы власти проводили активные мероприятия, направленные на помощь детям, оставшимся без родителей [27. С. 56]. Принятые меры в целом решили проблему детской беспризорности за счет кратного увеличения количества детских домов и школ-интернатов. До начала Великой Отечественной войны их в РСФСР насчитывалось 1347, а контингент составлял 155 751 детей [6. Л. 31]. В результате 250%-ного роста к 1 января 1943 г. только в системе

Наркомпроса РСФСР насчитывалось 3000 детских домов с контингентом порядка 500 тыс. детей [11. Л. 143]. Всего к 1943 г. в СССР функционировало 4370 детских домов, в которых находилось 688 750 воспитанников. В январе 1945 г. детских домов общего типа было 3124, в освобожденных районах появилось 129 специальных детдомов. Не остались без внимания и дети с ограниченными возможностями: для умственно отсталых детей было организовано 52 специальных учреждений, для незрячих и глухонемых детей — 193 учреждения [30. С. 308]. Детские дома принадлежали различным ведомствам — Народному комиссариату просвещения, Народному комиссариату внутренних дел, Народному комиссариату социального обеспечения и Наркомздраву РСФСР. В настоящей статье будут рассмотрены детские дома, подведомственные Наркомпросу РСФСР, поскольку в них находилась большая часть воспитанников.

В 1941 г. с захваченных врагом территорий было эвакуировано в тыл страны более 800 детских учреждений с 90 тыс. воспитанниками. Значительная часть детских учреждений эвакуировалась на Урал, где численность воспитанников детских домов увеличилась примерно в 2—3 раза. Спешно открывались новые детские дома. С 1941 по 1945 гг. число детских домов по РСФСР выросло на 125%, на 104% увеличилось количество воспитанников в них [26. С. 90]. Только в Челябинскую область в 1941 г. было перебазировано 148 детских учреждений с 18 тыс. человек, а в 1942 г. насчитывалось в два раза больше эвакуированных детских учреждений — 300, с 38 тыс. человек [19. Л. 99, 117].

Детские дома с воспитанниками прибывали из различных частей страны: из Московской (61), Рязанской (8), Смоленской (4), Орловской (1), Тульской (17), Ленинградской (5), Мурманской (1), Сталинградской (3) областей, из Карело-Финской АССР (5), Белоруссии (6), Эстонии (1), с Украины (13) [18. Л. 3—6].

Встал вопрос о расселении и распределении детей. Рисунки 1 и 2 демонстрируют, что детские учреждения размещались практически равномерно в городской и в сельской местности. Однако в 1941 г. в сельской местности разместили более двух третей эвакуированных детей и детских учреждений. Такой высокий процент обусловлен тем, что на селе проще было обеспечить воспитанников продуктами питания. В последующие годы распределение детских учреждений и детей было практически

одинаковым для города и села.

Факторы роста беспризорных и сирот в военные годы были многообразны. Гигантская эвакуация привела к увеличению числа детей, потерявших родителей и ставших беспризорными. Мобилизация мужского населения в ряды Красной армии и массовое вовлечение женщин в военное производство, отрыв детей от учебы, недостатки в воспитательной работе школ, недостаточная работа комсомольских и пионерских организаций ослабили надзор и влияние на детей. Данная тенденция, разумеется, не означала, что вопросу борьбы с детской безнадзорностью, беспризорностью и преступностью государство не уделяло должного внимания. 23 января 1943 г. СНК СССР принял постановление «об устройстве детей, оставшихся без родителей» [21. С. 302], в соответствии с которым была создана система работы с безнадзорными детьми. Так, при исполнительных комитетах районных, городских, краевых, областных Советов депутатов были учреждены комиссии по устройству детей, оставшихся без попечения родителей. НКВД СССР увеличил количество приемников-распределителей для безнадзорных детей в возрасте до 15 лет включительно. Был установлен предельный двухнедельный срок пребывания безнадзорных детей в приемнике-распределителе. В случае если за этот срок их родители, родственники или иные законные представители в ходе розыскных мероприятий не устанавливались, такие дети направлялись в органы народного образования, которые определяли детей в детские дома и приюты [32. С. 166].

Приемники-распределители были одним из основных источников пополнения детских домов воспитанниками. Если в первый год войны поступление детей из приемников-распределителей составило 9%, то в 1942 г. эта цифра увеличилась до 28%, в 1943 г. — до 35%, 1944 г. — до 42% [33. С. 33—34]. Часть воспитанников сбегала из детских домов из-за неудовлетворительных условий проживания или на поиски родителей. Таких детей вылавливали на станциях, вокзалах и возвращали через приемники-распределители в детские дома. Значительное уменьшение числа поступления детей из других детских домов в 1944 г. (32%) связано в основном с реэвакуацией. Кроме того, дети поступали в детские учреждения из домов младенцев Наркомздрава РСФСР (до 8%), от местного населения через отделы народного образования (в среднем 25%). Данные отражены на рис. 3.

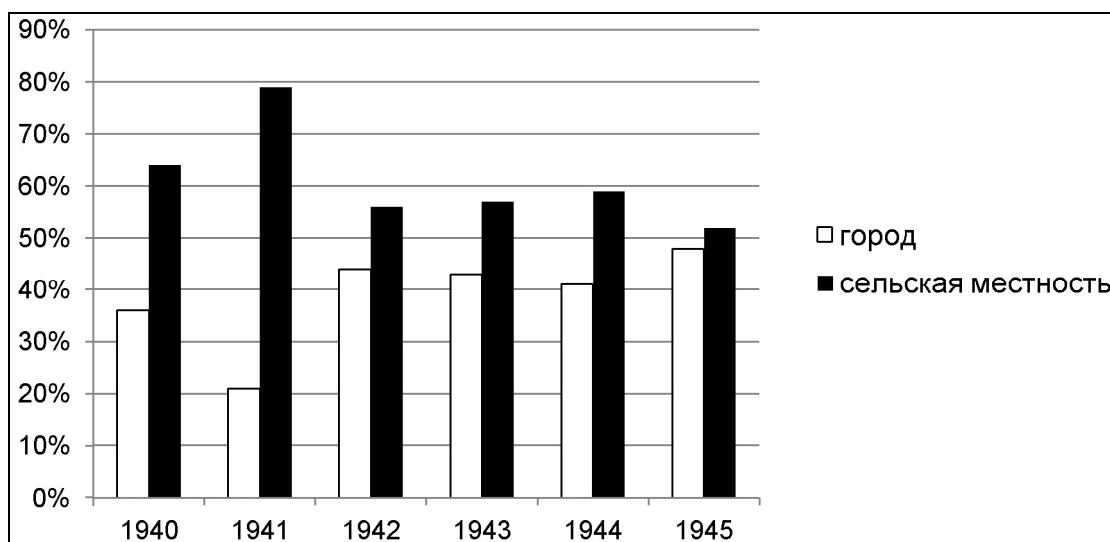

Рис. 1. Расположение детских домов в Челябинской области.

Составлено по: ОГАЧО. Ф. Р-1000. Оп. 1. Д. 227. Л. 54, 99—102, 104, 117; Д. 1217. Л. 182, 213

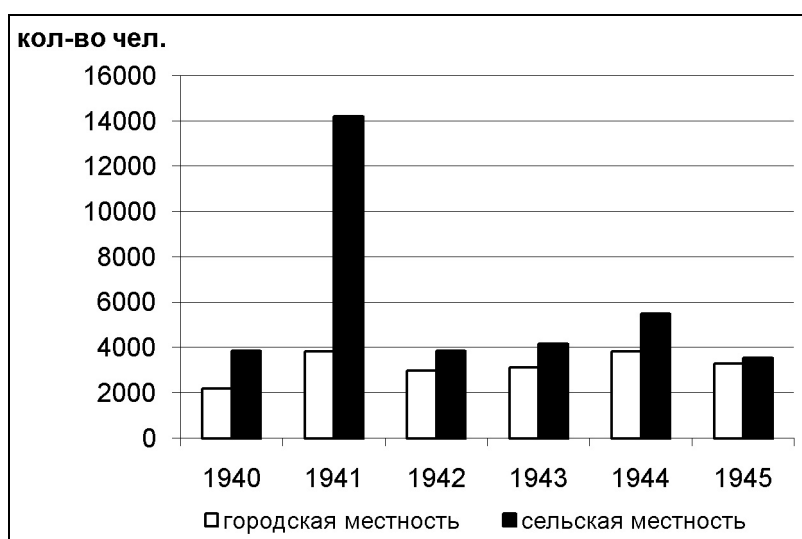

Рис. 2. Распределение детей по детским домам городской и сельской местности Челябинской области.

Составлено по: ОГАЧО. Ф. Р-1000. Оп. 1. Д. 227. Л. 54, 99—102, 104, 117; Д. 1217. Л. 182, 213.

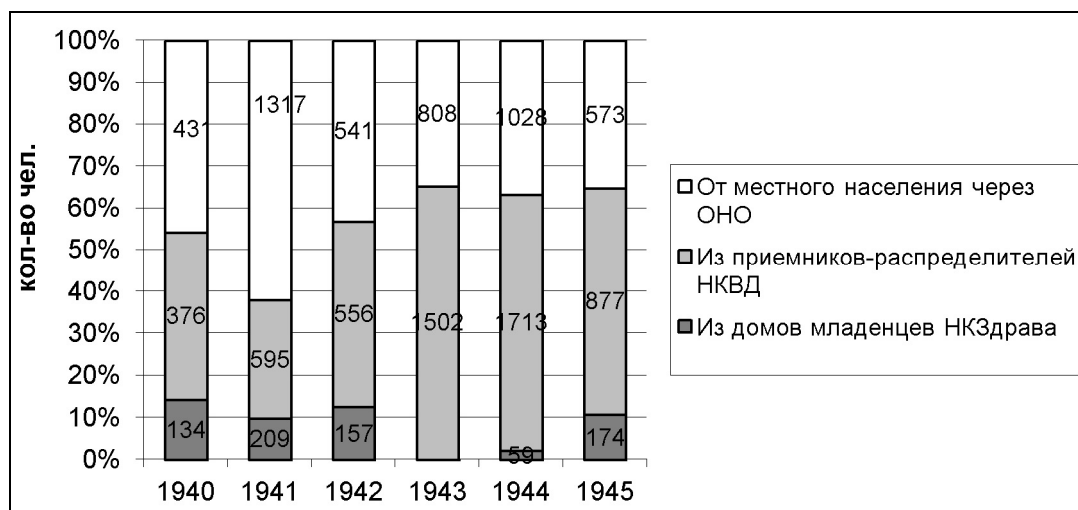

Рис. 3. Источники поступления детей в детские дома Челябинской области.

Составлено по: ОГАЧО. Ф. Р-1000. Оп. 1. Д. 227. Л. 54, 99—102, 104, 117; Д. 1217. Л. 182, 213

Большое количество эвакуированных детских учреждений негативно сказалось на всех сферах жизни детских домов региона, на материально-бытовом и медико-санитарном обеспечении прибывших детей, их обучении и воспитании. В Челябинской области в 1941 г. все детские дома в ведении Наркомпроса занимали жилую площадь 14 000 м² вместо необходимого 21 771 м², т. е. в 1,5 раза меньше положенного. Большинство зданий не соответствовало санитарно-гигиеническим нормам. Спальные комнаты Филимоновского детского дома можно было использовать только после капитального ремонта, такое же положение наблюдалось в Кривинском детском доме и в ряде других [17. Л. 72 об.].

В первую и вторую военную зиму детским домам катастрофически не хватало дров, поэтому температура в спальнях колебалась от +5 до +8° С (например, в Верхне-Уткинском, Еланском детских домах Свердловской области). В некоторых детских домах температура в спальнях опускалась до -5° С (детский дом № 48 Частинского района Пермской области) [22. Л. 64; 4. Л. 10—12].

Из-за большого количества эвакуированных в тыловые районы заметно ухудшилось медико-санитарное состояние. Детским домам Челябинской области не хватало медикаментов. Из 113 воспитанников Тургоякских детских домов здоровых было не более 20 человек, остальные страдали разными заболеваниями: 50 — дистрофией, 13 — туберкулезом, 19 — чесоткой, 8 — трахомой, 8 — конъюнктивитом. Иногда болезни приводили к смерти, например, в Глядянском интернате от кори умерло двое детей [26. С. 92]. Из-за физического и нервного переутомления, недостатка питания дети страдали дистрофией, заболели корью, цингой; возникали вспышки сыпного тифа, массового педикулеза [29. С. 97].

Не способствовал улучшению материально-бытового положения детей и тот факт, что согласно постановлению СНК СССР обувь и одежду воспитанникам должны были выделять исполкомы СНК из местных фондов. На местах финансовых средств в большинстве случаев не хватало, поэтому на протяжении всего военного времени детские дома испытывали острый дефицит в промышленных товарах. Серьезные проблемы возникли у эвакуированных детских домов и их воспитанников зимой 1941—1942 гг. Поскольку эвакуация проходила спешно, началась теплой осенью, основная масса детей уехала в легкой летне-осенней одежде, не взяв с собой теплую одежду. Кроме того, материальное положение эвакуированных детских учреждений существенно осложнялось нехваткой быто-

вых предметов: кухонной посуды, столов, стульев, кроватей. В наиболее тяжелых случаях детские дома не имели элементарных и необходимых предметов повседневного обихода, испытывали острую нужду в постельных принадлежностях, белье, обуви. Характерной является ситуация, описанная в докладной записке уполномоченного Ленгорсовета по Челябинской области на имя председателя Ленинградского городского Совета депутатов: «...ленинградские детские учреждения, находящиеся в Челябинской области, очень плохо обеспечены бельем, одеждой и обувью. Из 10 500 детей около 50% обеспечены только одной сменой постельного белья. Из-за отсутствия обуви часть детей не имеет возможности посещать школу. Фонды, выделенные Челябинскому облоно, крайне не достаточны, чтобы удовлетворить потребности ленинградских детских учреждений, учитывая к тому же, что в Челябинскую область эвакуировано большое количество школ-интернатов из западных областей». Однако определенные меры поддержки эвакуированных детей принимались. Так, исполком Ленинградского горсовета оказывал помощь ленинградским детям, эвакуированным в Челябинскую область: в 1942 г. было выделено 10 тыс. пар кожаной обуви, 10 тыс. пар галош, 20 тыс. пар чулок, 150 тыс. м бельевой ткани для пошивки постельного белья, 5 тыс. м хлопчатобумажной ткани для костюмов и платьев, 5 тыс. зимних пальто [26. С. 90—91].

Проверки детских учреждений показали, что на 1 января 1942 г. в эвакуированном в Уфалейский район Челябинской области детском доме на 205 детей имелось 4 шапки, 2 пальто, не было валенок, в Павловском детском доме Очерского района Молотовской области зимние шапки и валенки отсутствовали совсем, а зимние пальто были только у половины детей. В сентябре 1944 г. в детских домах Свердловской области на 16 127 воспитанников приходилось 8000 одеял, 7200 подушек, 8500 матрацев [20. Л. 64; 5. Л. 35—36; 23. Л. 83; 10. Л. 5].

В условиях жесткого дефицита промышленных товаров и продовольствия одним из способов преодоления сложной ситуации стала помощь детским домам со стороны местных жителей. Во время войны уральцы помогали всем, чем могли: отдавали одежду, обувь для детей, оказавшихся в эвакуации. В Челябинской области комсомольцы и пионеры средней школы № 1 г. Карабаша собрали в 1942 г. для эвакуированных детей 138 предметов одежды. Всего карабашцы передали в детский дом 500 предметов одежды [26. С. 91].

Большим подспорьем в обеспечении продуктами питания стали подсобные хо-

зяйства детских учреждений. Урожай с огородов играли большую роль в полноценном питании воспитанников. Вот что пишет о военном времени воспитанница Оханского детского дома Молотовской области В. Р. Шторц: «Питание военных лет в детском доме было скромное. Для того, чтобы улучшить его, делалось все возможное. Собирали летом щавель, дикий чеснок, крапиву и варили вкусный борщ. Из хвои делали витаминный напиток, чтобы не было цинги и других заболеваний. На огородах выращивали овощи и картофель» [24. С. 3].

При некоторых детских домах создавались подсобные животноводческие хозяйства. По данным на начало 1943 г., в Уральском регионе было размещено 380 детских домов, из них 270 организовали свои подсобные хозяйства. Хорошо обстояли дела с подсобными хозяйствами в Удмуртии, Башкирии и Пермской области, хуже — в Челябинской области [7. Л. 11—12].

Детские дома использовали все возможности для получения продовольствия. Большое значение приобрел сбор в лесах грибов и ягод. За лето 1942 г. воспитанники детских домов Свердловской области собрали 80 тонн грибов и 45 тонн ягод [14. С. 402]. Однако структура питания значительной части детских домов оставалась неудовлетворительной. Весной 1942 г. в Пермской области авитаминозом болело 64 ребенка. В 1944 г. в Губернском детском интернате № 2 Челябинской области из 112 детей у 74 была обнаружена дистрофия [3. Л. 11—12; 16. Л. 119, 122].

Помимо прочих тягот, на плечах детей и воспитателей лежала тяжелая работа по самообслуживанию: заготовка топлива, уборка помещений, уход за огородами.

В тяжелые военные годы детские дома, и среди них Нижнетагильский детский дом № 1, вносили посильный вклад в оборону страны. Их мастерские выполняли заказы, имеющие оборонное значение. Воспитанники изготавливали оборудование для госпиталей, части военного снаряжения, ремонтировали сельскохозяйственный инвентарь [25. С. 45]. Ребята в Нязепетровском детском доме Челябинской области изготавливали ящики для патронов и ручки для саперных лопат [15. Л. 5]. Следует отметить, что не все мастерские в детских домах работали, из-за нехватки сырья и оборудования.

Помимо перечисленных бытовых трудностей, наблюдались проблемы с обучением детей, вызванные недостаточным материально-техническим обеспечением школ и детских домов. Это нашло отражение в отчетах Свердловского обкома военного периода: в 44 детских домах отсутствовало электрическое освещение, не хватало ламп

и керосина, не было школьно-письменных принадлежностей. Новыми учебниками детские дома почти не снабжались, а старых учебников было мало, кроме того, они постепенно изнашивались и выходили из употребления. В большинстве детских домов было по одному учебнику каждого предмета на воспитательскую группу, а тетрадей и вовсе не было [9. Л. 32]. Отдельные детские дома не смогли оказать эффективной помощи школам в борьбе за высокие, прочные знания воспитанников из-за отсутствия квалифицированных воспитателей, нехватки учебников, наглядно-учебных пособий и письменных принадлежностей, отсутствия рабочих комнат и освещения, скученности детей. В результате этого, например, в Усениновском детском доме Туринского района Свердловской области в 1943/44 уч. г. из 95 воспитанников, обучавшихся в школе, после осенних испытаний перевели в следующий класса 34 учеников, а 13 оставили на второй год [8. Л. 28].

Однако бывало и так, что эвакуированные детские дома способствовали повышению успеваемости. В школах г. Шадринска эвакуированные ученики составляли 20—25%, причем «благодаря притоку московских и ленинградских учеников вообще повысился уровень развития шадринских школьников» [35. С. 12].

Основной формой организации детей во внеурочное время в годы войны продолжали оставаться детско-юношеские политические организации, широко практиковались военизированные игры, лыжные кроссы, обучение обращению с винтовкой и стрелковые соревнования.

Для детей, эвакуированных из Прибалтики, открывались национальные школы. В 1941/42 уч. г. в Челябинской области, куда было эвакуировано более 6 тыс. эстонцев, по распоряжению Наркомпроса РСФСР от 11 августа 1942 г. открылись классы для эстонских детей с преподаванием на их родном языке (в Верхне-Уральском, Далматовском, Макушинском, Варненском, Чесменском районах) [26. С. 91].

В детских учреждениях регулярно проводилась политико-воспитательная работа, направленная на поднятие морального духа и политическое воспитание детского коллектива, на стимулирование улучшения учебы и хорошего поведения. Такая работа проводилась в формах бесед, читок, рассказывания, художественных митингов. Для политического воспитания ребят, привития им патриотизма использовались разные формы наглядной агитации: газеты, книги, кинофильмы, диапозитивы [12. Л. 4—29].

Наряду с освоением общеобразовательной школьной программы, большое внима-

ние уделялось развитию творческих способностей воспитанников, а также их военно-физической и профессиональной подготовке. Дети, достигшие четырнадцатилетнего возраста, обучались профессии, главным образом в системе Трудовых резервов и в рамках производственного ученичества. В целях улучшения материального обеспечения детдомовцев и укрепления учебно-материальной базы воспитательных учреждений, совершенствования трудовой подготовки детей создавались подсобные хозяйства, оборудовались слесарные, столярные, швейные мастерские.

Во время войны делалось все необходимое, чтобы улучшить материально-бытовое положение детских домов. Несмотря на трудности, с которыми столкнулись детские учреждения, продолжалась работа по обучению и воспитанию детей.

Несмотря на тяготы военного времени и значительное количество проблем, жизнь воспитанников детских домов в последние годы войны улучшалась. Постепенно налаживалось медицинское обслуживание. Устанавливались графики приема врача. В детских домах на постоянной основе стали работать медицинские сестры, наблюдавшие за здоровьем детей. Как уже говорилось, создавались слесарные, столярные, обувные, швейные, трикотажные мастерские.

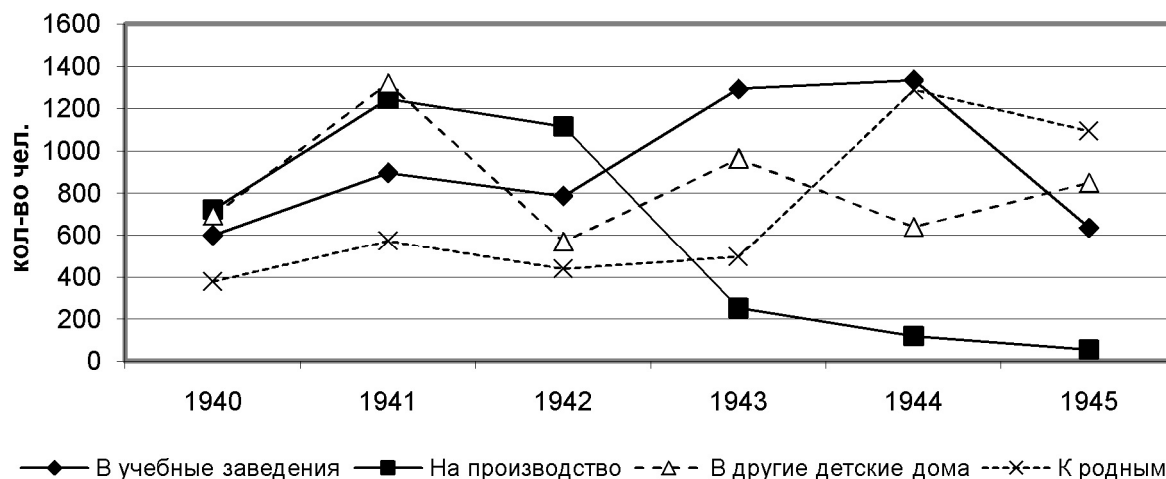
Одной из форм общественной помощи детям-сиротам, не совершавшим правонарушений, оставалось воспитание в семьях, или патронат. Для узаконивания этого процесса Наркомпрос РСФСР, Наркомздрав РСФСР и Наркомюст РСФСР в 1943 г. издали инструкцию «О патронировании, опеке и усыновлении детей, оставшихся без родителей». В этой инструкции сказано, что «патронат, или воспитание в семьях трудящихся, детей, оставшихся без родителей, является одной из форм общественной помощи в деле осуществления государственной системы охраны детства и борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью». Всего по стране в конце войны в семьях трудящихся воспитывалось около 350 тыс. детей [33. С. 36].

Время пребывания детей и подростков в детских домах зависело от срока получения квалификации, дававшей средства для дальнейшего существования. Если ребенок получал трудовую квалификацию до 16 лет, но не ранее 14-летнего возраста, то его выпускали из детского дома с обязательным трудоустройством. Главное управление трудовых резервов при СНК СССР проводило набор детей от 14 лет в школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища. Ос-

тальных детдомовцев старше 14 лет Наркомпросы республик направляли на работу в сельское хозяйство и промышленность. После того как дети трудоустроивались в колхозы и совхозы, руководители предприятий обязаны были обеспечить их жильем. Так освобождались детские дома, в которые сразу же поступали новые беспризорные и безнадзорные дети [33. С. 34].

Помимо ухода воспитанников с обязательным трудоустройством и на патронат, дети выбывали в учебные заведения, к родным и в другие детские дома. На рис. 4 видно, что дети стабильно переводились в другие детские дома, что обеспечивало равномерное распределение воспитанников по учреждениям. Динамика выбытия на производство позволяет сделать вывод о том, что после наиболее тяжелых 1941 и 1942 гг. потребность в использовании детского труда значительно упала. В то же время это позволило большему числу выпускников детских домов продолжить обучение. Одновременно в 1943—1944 гг. увеличилось число воспитанников, вернувшихся к родителям, потому что именно в эти годы происходила реэвакуация, освобождались ранее оккупированные территории, люди возвращались домой и восстанавливали нарушенные родственные связи. Некоторое снижение числа выбывших в учебные заведения в 1945 г. может быть объяснено тем, что воспитанники, воссоединившись с родными, продолжили обучение в своих городах, но в статистике учтены как «выбывшие к родным».

Таким образом, различные общественные, государственные учреждения и организации — местные советы депутатов, отделы народного образования, органы НКВД и милиции, комсомольские организации, профсоюзы и обычные семьи — направляли все свои силы на предотвращение развития беспризорности и безнадзорности, преодоление ее негативных последствий не только на Урале, но и во всей стране. За период войны были созданы и достаточно хорошо организованы учреждения по социализации детей: детские приемники-распределители НКВД, детские трудовые воспитательные колонии, детские дома и интернаты, — проведена трудовая подготовка детей, организовано трудоустройство воспитанников в промышленности и сельском хозяйстве. Активно проводилась кампания по усыновлению детей, переводу их на патронат. Жесткая регламентация всей жизни воспитанников детских домов была оправдана чрезвычайной ситуацией военного времени. Всё это способствовало снижению беспризорности и безнадзорности детей.

—◆— В учебные заведения —■— На производство -△- В другие детские дома ---×--- К родным
Рис. 4. Динамика выбытия детей из детских домов Челябинской области.
 Составлено по: ОГАЧО. Ф. Р-1000. Оп. 1. Д. 227. Л. 54, 99—102, 104, 117; Д. 1217. Л. 182, 213

В целом, несмотря на все перечисленные трудности, обусловленные военным временем, неблагоприятным началом войны, утратой значительных территорий в результате оккупации, в условиях массовой эвакуации не только воспитанников детских домов, но и множества промышленных предприятий и гражданского населения, в условиях мобилизации Советское государство поставило и успешно реализовало цель создать условия для спасения множества наиболее уязвимых граждан — детей, оставшихся без попечения родителей. Была создана сеть эффективно действующих детских домов, разработаны механизмы их пополнения. Дети не остались на улицах, предоставленные сами себе, они централизованно, вместе с коллективами, были эвакуированы из зоны боевых действий на Урал. Выявляемые органами НКВД беспризорники также направлялись в детские дома, в случае если не удавалось найти их родителей. Конечно, размещение эвакуированных детских домов в непригодных помещениях и катастрофическая нехватка питания, одежды нега-

тивно сказались на здоровье и на обучении воспитанников, но жизни детей были сохранены. Изыскивались средства для пополнения как продовольственных запасов, так и запасов предметов одежды и инвентаря. Дети занимались ведением подсобных хозяйств, самообслуживанием, собирательством, в некоторых детдомах было налажено производство несложной продукции для нужд фронта. Помимо обеспечения повседневной жизнедеятельности, коллективы детских домов осваивали учебную и воспитательную программы. К 16 годам воспитанники получали основные трудовые навыки и распределялись на работу в промышленности и сельском хозяйстве, что обеспечивало сиротам источник средств для жизни. Таким образом, в сложных условиях на Урале функционировала система детских домов, позволявшая вырастить, обучить и воспитать десятки тысяч детей, оставшихся без попечения родителей. Воспитанники таких домов выпускались с обязательным трудоустройством, им обеспечивалась полноценная социализация.

ИСТОЧНИКИ

1. БЕСПРИЗОРНОСТЬ на Урале в 1929—1941 гг. : сб. документов и материалов / сост. Г. Е. Корнилов, И. А. Лаврова ; ИИиА УрО РАН. Екатеринбург : АМБ, 2009.
2. ДЕТИ ГУЛАГА. 1918 — 1956 / под ред. акад. А. Н. Яковлева ; сост. С. С. Виленский и др. М. : МФД, 2002.
3. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ архив новейшей истории Пермского края (далее — ГАНИПК). Ф. 105. Оп. 2. Д. 172.
4. ГАНИПК. Ф. 105. Оп. 12. Д. 172.
5. ГАНИПК. Ф. 3414. ОП. 1. Д. 4.
6. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 259. Оп. 3. Д. 682.
7. ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 3004.
8. ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 5707. Л. 28.
9. ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 5707. Л. 32.
10. ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 5818.
11. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 44. Д. 613.
12. ГОУСО «Нижнетагильский детский дом-школа №1» : материалы учеб.-воспит. работы за 1940—52 гг. 1954—1955.
13. КОНЦЕПЦИЯ федеральной целевой программы «Дети России» на 2007—2010 годы // Российская газета : федер. вып. 2007. 2 февр.
14. МЫ приближали Победу : очерки, воспоминания, письма / ред. Н. С. Толмачева. Екатеринбург : АРД ЛТД, 2000.

15. ОБЪЕДИНЕННЫЙ государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-288. Оп. 6. Д. 249.
16. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 8. Д. 267.
17. ОГАЧО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 732.
18. ОГАЧО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 794.
19. ОГАЧО. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 227.
20. ОГАЧО. Ф. Р-1142. Оп. 1. Д. 110.
21. СБОРНИК указов, постановлений и распоряжений (1941 — 1945). Челябинск, 1945.
22. ЦЕНТР документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 37. Д. 176.
23. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 39. Д. 11.
24. ШТОРЦ В. Р. Воспоминания. И дети шагнули в войну // Знамя Коммунизма. 1988. № 75.

ЛИТЕРАТУРА

25. Горшкова Е. А. В тяжелую годину (работа детских домов в предвоенные, военные и послевоенные годы) // Детский дом. 2008. № 2 (27).
26. ДОРОШЕВА О. А. Эвакуированные детские учреждения на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны // Изв. Оренбург. гос. аграрн. ун-та. 2006. Т. 3. № 11-1.
27. ИБРАГИМОВ Е. В. Роль детских домов в решении проблемы детской беспризорности и безнадзорности в годы Великой Отечественной войны (на материалах Среднего Поволжья) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 3-3.
28. КУФАЕВ В. И. Забота о детях в дни Великой Отечественной войны // Советская педагогика. 1942. № 8, 9.
29. ПОТЕМКИНА М. Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны: люди и судьбы : моногр. / МаГУ. Магнитогорск, 2002.
30. СИНИЦЫН А. М. Всенародная помощь фронту. М. : Воениздат, 1985.
31. СИНИЦЫН А. М. Забота о безнадзорных и беспризорных детях в СССР в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1969. № 6.
32. СЛАВКО А. А. Массовые источники по истории детей-сирот в России в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2009. № 3.
33. СЛАВКО А. А. Государственное регулирование процесса ликвидации детской беспризорности в России в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2010. № 120.
34. ТАДЕВОСЯН В. С. Правовая охрана детей в условиях Отечественной войны // Социалистическая законность. 1944. № 1.
35. ШАДРИНСК военной поры. Шадринск, 1995. Т. 1.

Статью рекомендует д-р ист. наук, проф. Г. Е. Корнилов